***

В пустом вагоне-ресторане,
Допив последнее вино
И головой прижавшись к раме,
Смотрел я в темное окно.

Так было тихо, так уютно,
Легко расслабиться под хмель,
Души коснувшийся попутно...
А за окном мела метель.

Мела, к себе не привлекая,
Хозяйкой вечера не став.
Не помню, станция какая
Была. В метели стал состав.

То там, то тут огни по горстке
Рассыпал город в снежной мгле.
А на дорожном перекрестке
Фонарь светился на столбе.

И в желтом конусе фотонов,
Не ведая земных дорог,
Снег, оказавшись сразу дома,
Спешил к земле наискосок.

Внезапно мысли горевые
Блеснули лезвием литым.
Мы все, как хлопья снеговые,
Лишь мельком по свету летим.

Едва начавшись, жизнь проходит
Неудержимо, как метель.
И нам природа не находит,
Как снегу, вечную постель.

Вагон поплыл, я оглянулся.
Там – в мошках снежного холста –
В фонарном свете путник гнулся
Под вечной тяжестью креста.

ВЕНЧАНИЕ В ОВСТУГЕ

Туман и зябкий ветер во дворе
Не обещали ясную погоду.
Но чудно выпадают в октябре
Деньки благому солнышку в угоду.

Сияло так, как будто бы часы
Природы сбились в солнечном загуле,
И жало заблудившейся осы
Их стрелки пригвоздило на июле.

Благой денек нам выпал на Покров!
Улавливалось тайное звучанье
Невидимых живых колоколов,
Благославлявших позднее венчанье.

Светились для меня твои глаза,
Как в космосе Земля для космонавта.
И приняли в объятья Небеса,
Открылось нам неведомое завтра.

Из церкви вышли в образах людей,
И солнце нас повторно обвенчало.
Мы отразились в паре лебедей,
Шагающих к усадьбе величаво.

Смеялись добрым шуткам и у ног
Поэта легкокрыло обнимались.
Один лишь он был недвижимо строг,
Когда для фотографии снимались.

Вдруг вспомнилось: «...коснется ль благодать
Моей души болезненно-греховной...».
И захотелось вновь тебя обнять
Под дуновенье нежности духовной.

Я думал, Тютчев в парке сквозь века
Не может наглядеться на усадьбу.
А он глядит нам в души;
Как река
на облака,
Как Бог, на нашу свадьбу.

ЗИМНЕЕ ЗАГОРЬЕ

...Здравствуй, здравствуй, родная
Сторона.
И – прощай!..

Александр Твардовский
(«Поездка в Загорье», 1939 г.)

Я сбрасывал скорость, смиряя машину
И веря в шоферский рефлекс,
Когда на обочину, как в мешковину
Беды, нас выталкивал снег.

Никто по пути на глаза не попался.
Сгущалась душевная хмарь.
На снежную даль горизонт опирался,
Безлюдную, мертвую даль.

Ах, вот ты какое, российское горе!
Вражинам могучий оплот.
В глубоких снегах утопает Загорье,
Как в веяньях века народ.

Хранитель Татьяна в музейной сторожке
Предложит чайку и блинов.
А мысли бегут уж по белой дорожке
На хутор – оплот кулаков.

Заходишь в избу, пригибаясь, с крылечка.
Да разве здесь жил богатей!
В ней самое ценное – русская печка,
Протопленная для гостей.

Все, вроде, обычно, как водится, в хате.
Но вот оно Время: на вас
Печально глядит из угла Богоматерь,
А рядом красуется Маркс.

Сюда бы наладить большую дорогу,
Настроить домов и церквей,
Чтоб ехали, ехали люди к истоку
Свободы и веры своей!

За елями тихо о чем-то березки
Сосульками веток звенят,
Как будто бы в кузнице Трифон Твардовский
Встречает Восход и Закат.

Здесь песня свободы таится в колодце,
А сердце России – в стогу.
Народной надежды бессмертное солнце
Мерцает огнем на снегу.

И в новой эпохе стоит не смутьяном –
Пустующим храмом полей
Бревенчатый памятник русским крестьянам,
Мечтавшим о вольной земле.

ПУЛЯ 1937

Амиран Григорьевич –
мой покойный тесть –
с десяти лет воспитывался в детдоме.
О родителях не рассказывал
никогда,
ничего,
никому.
Как будто его нашли
в могильной яме.

Мой сын огорчался
утраченной родословной.
Но не отчаивался.
И отыскал прадеда!
В недавно рассекреченных
«Сталинских списках из Грузии».

Григория Георгиевича Капанадзе,
секретаря парткома
«Инженерстроя» Тбилиси,
арестовали по доносу
(какого-то Салуквадзе)
и расстреляли
по приговору «тройки».

Вот история!
Мой тесть – сын «врага народа».
Теперь не спросишь,
что он чувствовал,
видя меня в форме офицера
внутренней службы,
о чем думал
в бессонные стариковские ночи.

Сын написал из Москвы:
«История символична.
Мой отец
метафизически виновен в смерти
моего прадеда.
То есть – сын убил отца.

Это, мой милый отец,
и есть "Эдипов Комплекс".
Это и есть
великое открытие Фрейда,
перевернувшее мир...
Тот самый невроз поколений,
с которым борется
юнгианская психотерапевтическая школа.

Ну, конечно же, конечно
психоанализ был запрещен в СССР!
И до сих пор
никто
не хочет вскрывать этот ужас
внутри каждого.
Проще – ничего не помнить...»

И мне все слышится
револьверный выстрел.
Пуля из 37-го
отрикошетила в 2017-й.
Сам я – русский офицер,
а мой сын –
правнук «врага народа».

КАТАРАКТА

Я лежал на операционном столе
в стерильном одеянии.
В оперируемый глаз
ударил сноп света.
«А-а-а! С-с-с...
Слепит как!»..
Я зажмурился.

– Начинаем операцию.
Откройте широко оба глаза!..

Укол анестезии под веко
сработал –
расширитель
коснулся тканей,
как воздушный поцелуй.
В миллиардное мгновение
стал различим квантовый бег света.
Фейерверк квантов
слился в слепящий взрыв,
затопил сознание.
И я утонул в свете,
удивляясь мысли,
что в таком океане
можно жить.

Луч лазера
скользил по глади
глазного яблока,
как будто водомерка
тренировалась на стометровке.
Нежные лапки вибрировали,
счищая в мельчайшие брызги
пленку катаракты,
с водной струёй
по щеке
уносившиеся в бездну.
Вдруг водомерка исчезла,
и бархатная беличья кисть
стала закрашивать
ткань глаза
водянистой акварелью.

Надрез, еще надрез.
Это вновь догадка,
как по намекам,
по легким прикосновениям
в углах глаза.
В воображении открылась рана,
готовая поглотить
оптическую линзу.
Вспомнилось детство.
В пассажирском салоне «Ракеты»
напротив меня мальчик
втыкает в яблоко
перо для чернил,
вытаскивает
конический цилиндр мякоти,
прикладывает к губам
и языком выталкивает
из пера в рот.
Причем тут перо в яблоке?
Да неслышимое, но представляемое
трескание яблочной кожуры
под металлическим лезвием.
Хрусь!
Сознание улавливает то,
что не дано слуху.

– Принесите линзу...
распакуйте...
– Под каким углом ставить?
Покажите мне карту...
– Сейчас я надавлю на глаз...
– Операция закончена.
Вставайте осторожно....
– Давайте я вам помогу,
не спешите...
Как водолаз,
я выхожу на берег жизни
из глубин света.

Мой первый утренний взгляд
встречает со стены
картина Ельчанинова
«Большая Советская».
Боже мой!
Гармония красок импрессионизма!
Картина флюоресцирует.
Я оглядываюсь и ликую
от четких очертаний
предметов в комнате
и контрастности пейзажа за окном,
от переливов цветов
в калейдоскопе взгляда.
И в сознании сияет
источник белого света.
Я вижу,
как в его искристом потоке
воздушные женские руки
держат золотое окно,
а я смотрю
сквозь его волшебное стекло
на радужный мир,
как новорожденный.

***

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны...

Осип Мандельштам

Народы вождям признаются в любви,
Как будто вожди – эпохальные Боги.
У каждого времени песни свои.
Себя узнают по поэтам эпохи.

Газеты стрекочут, экраны трещат:
«Осанна!..», а слышится древневековоо.
И только поэтов вожди не страшат,
Хоть часто и гибнут за вольное слово.

Очнись? современник! Всемирный прогресс
В дремучие дебри уводит все глубже.
Плетут паутину ГЛОНАСС с GPS?
И Правда у Кривды на рекрутской службе.

«Осанна!» – эпохе. «Осанна!» – вождю.
А после – проклятий похмельное зелье.
Наш мир – историческое дежавю
С просветами жизни на кончиках перьев.

***

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле

Александр Блок

Кликуши современности постылы.
И мир постыл в стремленье богатеть.
Одна любовь поддерживает силы,
Когда судьбу испытывает плеть.

О доблестях, о подвигах, о славе...
Да что напрасно рваться в старину!
Мы в юности поверили державе,
А к старости – лишь Богу одному.

Извечны, нескончаемы напасти
Земного бытия, обманна новь,
Все продается, множится на части...
Всего одно неповторимо счастье –

Любовь.

СМОЛЕНСКОЕ УДАРЕНИЕ

У всех случается смятенье.
С друзьями спорю не один.
Как верно ставить ударенье:
Смол**я**нин или смолян**и**н?

Хоть я и не ровесник Глинке,
Не счесть по возрасту седин.
Произношу я по старинке,
Как наши деды: «Смолян**и**н».

Мой говор слух ретивый ранит.
И важничают знатоки,
Мол, нужно говорить «смол**я**нин»,
Эх вы, смоляне-старики!

Земляк, в своем ученом званье
Ты думаешь – непобедим?
Россия говорит: «Слав**я**не».
О человеке: «Славян**и**н».

Сам по себе наш спор забавен.
Как не скажи, а смысл един.
Смол**я**нин смолян**и**ну равен:
России сын и гражданин.

***

В пешеходном переходе
На Колхозке* день-деньской
Гармонист на трезвой ноте
Просит милости людской.

Вновь к сюжету ностальгии
Обращается перо.
Плачет музыка в России
В переходах и метро.

По какой стерне забытой
Грусть проводит лемеха?
Музыкант незнаменитый
На гармошке рвет меха.

Городок провинциальный.
Пятьдесят таких в Москве.
А подобной наковальни
Не отыщется тоске.

Видно, где-то в Поднебесье
Над Россией кузня есть,
Где куются эти песни –
Вековой печали весть.

Дождевые песни леса –
Русской праведной души.
Не ржавеют, как железо,
Не теряются в глуши.

***

Вечерний дождик монотонно
Ладью печали раскачал.
А для печали – жизнь бездонна,
Ей человек – родной причал.

---

* «Колхозка» – Колхозная площадь в Смоленске, где расположен самый крупный рынок города, исторические корни которого уходят в XVI век и глубже.

Мы все умрем, печаль не в этом.
А в том, что путь в один конец.
И в расставанье с белым светом
Едины старец и юнец.

Никто обратного билета
Ни мне, ни вам не даст. Господь
Людей оставит без ответа.
Вновь будут спорить дух и плоть.

Печаль светла, она от Бога.
Уныние – смертельный грех.
Имеет два конца дорога.
Второй лишь виден не для всех.

Разгадка жизни под запретом,
О чем и как ни горлопань.
Но между тем и этим светом
Обманчива земная грань.

Жизнь, продолжайся, не кончайся
В мечтах о лучших временах.
Качайся, лодочка, качайся
На прибывающих волнах.

***

Мир чувственный материален.
Когда с дождем ударил гром,
Я вдруг испугом был придавлен,
Как переполненный паром.

Но распрямились вскоре плечи –
Я к грому с молнией привык,
Внимал простой дождливой речи
С аплодисментами листвы.

Мне виделось рукоплесканье
В траве, цветах, ветвях, во всем...
И был я центром мирозданья
Под ветром, громом и дождем.

***

Весенний воздух закипел, как молоко, –
Поднявшись белой облачною пеной.
Дышать – вольно, глядеть на солнышко – легко,
Светло – предаться радости мгновенной.

Вглубь от дороги меж графических стволов
К земле присохли снежные болячки,
А в пенье птиц без соловьиных теноров
Еще не слышно упоительной горячки.

Но первый запах от подтаявшей земли
И от коры слегка отринувшие почки
По генной памяти внезапно принесли
Желанье нянчиться с землей без проволочки.

Придет пора – в работе руки загудят,
С крестьянским делом управляясь ладно.
Так то когда еще! Я поспешаю в сад –
Белить стволы непробужденных яблонь.

***

Моя березовая роща
Верна лесному колдовству.
В нависшем облачке полощет
На солнце шумную листву.

О чем зарубки день вчерашний
Нанес на белые стволы?
Высокий клевер и ромашки
В тени светящейся светлы.

И самому мне стало проще
Хватать удачу за края.
За домом сад, за садом роща,
Живая русская земля.

Мне птицы – утренние гости –
Щебечут радостно про рай.
И пишет сердце по бересте,
Как ученик: «Родимый край...»

***

Все в природе к вечеру затихло.
Онемело, выдохшись, шоссе.
Будто на ночлег земное лихо
Завалилось в лесополосе.

Тихо на проселке и в поселке,
Тихо так – не шелохнется лист,
И иголка не сорвется с елки,
Не всплеснет далекий птичий свист.

Как иконостас, ажурны ветви,
Тронутые сочной желтизной.
И скрипят в душе дверные петли
Меж небесной жизнью и земной.

В тишине слышна такая нота,
Будто вышний мир душе открыт.
В лунный час, когда молчит природа,
С нами вечность внятно говорит.

***

Побегами, как нитями, овес
Все крепче пришивает поле к небу.
А в небе – тучи, будто водовоз
Везет их к разжигаемому лету.

Рисует свет зеленый океан.
Волна к волне. Сиреневою пеной
Обрызган сад, и, как хмельной, бурьян
Дорогу ищет в радости блаженной.

Блажен и я, как маленький цветок,
В дурмане своего самообмана.
Глоток голубизны, еще глоток.
Я есть, я жив, я – капля океана.

ТИШИНА

А в тишине мне слышатся сверчки,
Хоть нет в квартире выбеленной печки.
Дрожат на струнах вечности смычки,
Стучат существ неведомых сердечки.

И мне в такой компании честной,
Чей дружелюбный круг незрим, но светел,
Приятно слушать стрекот неземной,
О том, чего не знаем мы на свете.

О том, о чем – Аж боязно сказать,
Вдруг с наглости навязываю братство? –
Я вместе с ними буду стрекотать,
Когда исчезну в новое пространство.

***

Еще стихи случаются на свете.
Вдруг где-то неожиданно прочтешь,
Как первородны радуга и ветер,
Как первозданны солнышко и дождь.

И радуешься пойманной удаче,
Тому, кто в одиночку мир спасал,
Как будто те стихи в самоотдаче
Не дальний друг, а сам ты написал.

Поэзия, ты не умрешь в народе!
Твой чудотворный дух неустрашим.
На грозном историческом исходе
Найдешь проводника себе к живым.

И мы под обаяньем чистой речи
Вдали увидим, как из-по руки,
В тумане лет мерцающие свечи –
Родимых душ земные огоньки.

***

Мне авторы дарили столько книг,
Что самому себе признаться стыдно,
А рассказать дарителям – обидно
Им станет за правдивый мой язык.

Я многие еще не прочитал,
Не потому что книжные подарки
Моим любимым книгам не чета
И прячутся от взора, как подранки.

А от того, что торопился я
В событиях своей духовной жизни
Осмыслить чувства, выпестовать мысли,
Напутствия у вышних сил прося.

И если мраком побеждался свет,
То в поисках путей судьбе юдольной
Я находил спасительный совет
В той или этой книге, но настольной.

Стоят на полках и лежат в шкафах
Чужие мысли и чужие чувства,
Оформленные в книжное искусство.
Фамилии горят на корешках,

Случается, возьмешь одну из них,
Начнешь читать, и станет очень грустно.
Зачем мне надарили столько книг,
Издателями изданных искусно!

По большинству, подарки – близнецы.
Поэты как бы звезды открывают,
А все одно и то же повторяют,
Как под копирку, сходятся концы.

Не понимает искренний чудак,
Когда себя считает гениальным:
Поэзия не то, о чем, – а как,
Поэту должно быть оригинальным.

Как тот чудак и я над строчкой бьюсь,
Но не поддавшись дьявольской интриге,
Стихи родные, собранные в книги,
Навязчиво дарить другим боюсь.

НОЧНОЙ АНГЕЛ

Я знаю сам, что это выдумка.
Но верить хочется: она –
Из бессознательного выемка,
Для осознания дана.

Виденья явственнее, глубже
Любого пятничного сна –
Цветная графика без кружев,
Раздумий цепкая блесна.

А было так. В полночной дреме
Я в темноту глаза открыл.
Почудилось, как будто в доме
Наполнил воздух шорох крыл.

Жена спала. Скользнув с кровати,
Я, сам не свой, без рук и ног,
Поплыл, как призрак, как лунатик,
Как с ветки сорванный листок.

И если есть у страха зренье,
То я им стал; из-под дверей
Сочилось белое свеченье,
Мрак жался в образах зверей.

И замер я, в дверную ручку
Вцепившись, как в ладонь судьбы.
И дверь как будто на липучках
Рванул безмолвно, без мольбы.

О, Боже мой! Парящий факел
Горел бездымно за окном,
Сложив по-птичьи крылья, ангел
Сидел за письменным столом.

Увидел я, как он макает
Перо в светящийся флакон,
Не просто так стихи читает,
А правит их, лист за листком.

Потом? Я ничего не помню.
Не знаю, явь была иль сон.
Жена будила смехом соню,
Проспавшего будильный звон.

Но даже, если это выдумка,
Так верить хочется: она –
Из бессознательного выемка,
Для осознания дана.